

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный!

ДИПЛОМ СЛОВЕСНИКА

Самый сложный экзамен для выпускников-филологов — русский язык. Но студенты, занимавшиеся в течение двух лет в кабинете программированного обучения, блестяще справились с ним.

17 отличных оценок — таков результат только в одном потоке. А всего их — 24. Это значит, что армия учителей-словесников пополнится в новом учебном году доброкачественными кадрами, что годы учебы не прошли зря.

А перед выпускниками стоит большая и сложная задача — учить русскому языку так, чтобы двойки по этому предмету ушли в область забвения, чтобы навсегда ликвидировать второгодичество.

12 выпускников 1969 года получают своеобразное приложение к диплому, удостоверяющее право их заниматься организацией программированного обучения в школе.

На снимке В. И. Липовского выпускники, показавшие на госэкзамене по русскому языку отличные знания.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Молодость

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФСОЮЗНОЙ
Организации, РЕКТОРАТА ОГПИ ИМ. ГОРЬКОГО

№ 24
(158)

Среда, 2 июля 1969 года.

Год издания V
Цена 1 коп.

...И работа придает силы

Идет занятие кружка теории и истории литературы. Докладчица — студентка 4 курса Тая Деревянко — рассказывает о повести Пушкина.

Кружок наш — постоянная адумчивая работа над творчеством писателя, ставшего любимым, это волнение перед выходом и кафедре, споры после того, как доклад прочитан. И снова работа над темой, уме в новых направлениях.

Но прежде всего кружок — это люди. Люди, работающие над своей темой не месяц-другой, а несколько лет, некоторые — с первого по четвертый курс. Лидя Иванова, Тая Деревянко, Тамара Перехониха... Выпускницы. Скоро мы с ними простимся. Они очень разные, эти девочки, но их объединяет особенное, живое отношение к литературе, и работа, ставшая любимой, изменяет их.

Я помню Лиду Иванову-первокурсницу. Порывистая, увлекающаяся, бралась за то, за это. Хотелось заниматься Блюмом, Лесковым, писала стихи, могла говорить о поэзах, не профессионально, но, нет, так просто... Ездил в фольклорную экспедицию, выпускала газету. Кое-что начинала и бросала, много думала, приходила в отчаяние, что мало получалось. Потом мы с ней долго не встречались, но однажды я увидела ее и удивилась: такая разительная перемена произошла с Лидой. Даже внешне было заметно, что она вся как-то собралась, что ли, увереннее стал взгляд, устремленнее — каждое движение. Откуда? Просто осмыслилось место, цель, определился круг интересов, он в своем роде локализовался возле одного писателя, возле одной темы. Лида подготовила интересный доклад, ездила с ним в Ленинград, читала его на занятии университетского кружка, пришла переполненная впечатлениями.

Тая немножко другая — она сдержаннее, сосредоточеннее с самого первого курса. Тамара всегда была полна энергией и, в отличие от Лиды, которая прежде чем сделать, рассуждала и теоретизировала, сразу, без лишнего слов, бралась за работу. Вот та-

отенки внутренней жизни человека не возможен наш профессиональный успех. А добиться этого умения невозможно без углубленной, полной горячий личной заинтересованности работы над своим предметом — литературой. Вполне понятна «первокурсная» разбросанность Лиды Ивановой. Наш предмет литература поражает при первом столкновении своей сложностью, всеобъемлющей универсальностью. Встанут проблемы, которые вначале кажутся просто неразрешимыми. Невозможно знать все, и знать не поверхностно, а глубоко, свободно ориентироваться в сложных вопросах. Очень важно найти организующее начало, которое определило бы направление работы. Этот началом для одних становится тема курсовой работы, для других — доклад на спелективере; это все очень интересно, но приходит чуть позднее — на втором, третьем курсе, а вначале — старая, знакомая еще по школе форма работы — занятие в одном из кружков. Помогающее почувствовать себя исследователем. Такую форму восприняли и девочки-выпускницы. Кружок теории возник только год назад, а раньше серьезные, свободные от дилетантского налета разговоры велись на заседаниях литературно-творческого кружка, которые не пропускали ни Лидя, ни Тамара. Кружок — это «своя» тема, «свой» писатель, это тысяча новых мыслей, вопросов, проблем, врывающихся в круг повседневной жизни, это новое отношение к людям, литературе, профессии, это (в итоге) непременно духовное обогащение. И не случайно ведь, не для красного словца девочки говорят: «Когда очень трудно, я обращаюсь к «своей» теме, и моя работа придает мне силы». Именно здесь рождается тесная, необходимая связь между преподавательской и литературоведческой сторонами нашей будущей работы. Здесь протягиваются нити от первой самостоятельной работы студента над своей темой и к первому профессиональному успеху, к ощущению радости педагогической работы.

М. ШТЕРН,
староста кружка.
С. МАМАЕВА.

Дом на горе

У выпускника в руках не просто диплом — право воспитывать, право быть другом, воспитателем. Это высокое право. Учитель начинается не с врученного диплома — это чисто внешняя сторона. И даже не с первого урока. Пожалуй, нравственно учитель возникает с готовности работать, с внутренней убежденности в том, что он и только он принесет максимальную пользу в школе. В сельской — особенно.

Иногда в город приезжают мои подружки-сокурсницы. Уже два года они работают в сельских школах. В Розовской — Нина Минакова, в Юрьевской — Сина Павлюченко, на севере — Неля Пименева. Нина, как всегда, веселая, как всегда, полна всяких планов и, как всегда, у нее есть что рассказать. «Ребята, они знаешь какие? — они все на лету схватывают, с ними много можно сделать». И молчаливое: а мы им очень нужны. Даже в письмах моей всегда очень сдержанной и чуть-чуть флегматичной подружки Зины Павлюченко сквозит разное, сквозь разговоры о деле и просто так звучит: я на месте, и слово «мой» преобладает над прочими словами: мои ребяташки, моя «школа» и даже смешное: мои музрянки.

«Им-то что, а я за них так волновалась, так... сама бы лучше сто раз сдала». Нормальное дело для учителя состояние.

Самое радостное дело — ездить в командировки, в гости к учителям. По очень небольшому опыту смею судить, что учитель в сельской школе, да особенно там, где эта школа одна, — незаменимый человек. К нему идут с делом — как быть с сыном, дочерью, какие книжки прочитать, как разобраться, кто прав, кто виноват, что делать с интернатскими пацанами, которые разворотили забор.

К нему идут просто так (но всегда с добром) — послушать музыку, поговорить с транзистором, сыграть в шашки, позвать на рыбалку, охоту.

Мне было интересно посмотреть, как к нашему выпускнику, Саше Лебеву, ходили односельчане: приходил бухгалтер колхоза Камиль. Садился посреди комнаты, приходил бухгалтер колхоза Камиль. Садился посреди комнаты, не снимая шапки, с сапогов стекали струйки воды, а он мог сидеть просто так долго: по-деловому (будто Сашка — председатель колхоза), докладывая о том, что делается, ворошил книжки на полке, жаловался, что очень мало книг на татарском языке, звал «на зорьку». Заходил без определенных занятий парень, Оглобин, приносил свои стихи, требовал «анализа». Забегала соседка, Анна Михайловна, просто так, молока занести. Но главное — валом валили ребяташки.

Тут много разных мнений. Знакомый мне директор 88 школы А. М. Зуболь всегда говорит: «Не допускайте, чтобы ученики садились вам на голову. Соблюдайте дистанцию!» Другие выражаются определеннее: «Никаких хождений «в гости». Есть школа — в ней встречайтесь, а все остальное только авторитет учителя умалет».

Кто его знает, но только, ей-богу, ничего плохого нет в том, что к учителю после занятий «на огонек» прибегают ребята. Можно посидеть, при полном отсутствии комфорта (зато вместе) попить чаю, поговорить «за жизнь».

Я думаю: чем-чем, а такими вот хождениями учителю надо дорожить. Учитель, наверно, начинается с готовности жить открыто. Иначе нельзя. Все пополам с ребятами. В одной славной детской книжке, «Дом на горе» она называется, старый колхозник укоризненно говорит мальчишке: «Чудаки, ты думаешь, учитель только для тебя учитель? Он ведь для всех. К нему за наукой вся деревня ходит, если он настоящий». Говоря иррационально прискучившими фразами, «учитель — это благородно и почетно». А если забыть про них, можно пожелать ребятам: помните, что ваш дом, как и сама школа, — это «дом на горе».

С. ЛАНОВА, выпускница 1967 года.

Ходит и ходит по залу, заложив руки в карманы, в каком-то нелепом ядовито-зеленого цвета свитере. Ни к кому не подходит, ни с кем не разговаривает: или слишком застенчив, или чересчур заискивает.

Спрашиваю, кто такой. Объясняют: новенький, кто-то привел его в наш студенческий театр. Кто? Бог его знает. По приказу режиссера иду выяснять личность. Петр... не то Оновр, не то Онравый... ах, Унрау... Пединститут... первый курс. Математический факультет? Это что-то новое. Всеякие были студенты: и филологи, и инжовцы, даже художники, на худой конец — биологи, но математик... Значит, должно не продержаться, так, случайный человек.

А через два года — неожиданное предложение режиссера: «А попробуй-ка его на Гамлета».

Его? На Гамлета?! Даже на Лаэрта, даже во втором составе — жирно будет!.. Ладно, приказ есть приказ.

Первая репетиция. Я же говорила — никогда, ничего,

ИМЕЕТ ПРАВО...

...бесполезно. Сидит тусклый, пустой, на все вопросы пожимает плечами.

Вторая репетиция, третья. Господи, скука-то какая. Холдные глаза, ровный голос...

К черту Гамлета. Говорим о Блоке, Бальмонте, Бунине. Говорим — это значит говорю я, он по-прежнему молча слушает, и непонятно, интересно ему все это или нет.

Стихи, этюды. Этюды, стихи... Десят, двадцать репетиций. Стронулись с мертвой точки... И все-таки что он такое? Подчеркнуто корректен, сух, исполнительен, неразговорчив. Врвава! Или действительно кукла?

Зима. Вечер заиндевелый, похрустывающий. Идем молча. Слушаю снег, небо, звезды — привыкла к его вечному молчанию. И вдруг... оказалось? Нет, что-то говорит... «Здесь жизнь до весны умерла.

До весны опустели сады. Я на даче один. Мне темно За мольбертом, и дует в

окно». Бунин. «Одиночество»... Почему вдруг? Окунда это у двадцатилетнего парня? Молчит, пожимает плечами. Но это уже не обычный надменно-снохидительный жест — это искренняя, самая неподдельная растерянность.

Друзья? Нет... как-то так случилось, что их нет... То есть, конечно, есть много знакомых приятелей, а вот друзей... И опять стихи... Блок. Блок — его поэт. Не любимый, а именно его, глубоко личный. Говорит много, обрывочно, без точек и запятых, вдохновенно.

...А зима? Зима великолепная! Сказочная! Волшебная, как в сказке о снежной королеве, ...помнишь... «Сниб-снаб-спурре, Пурре-базилюрре...»

ВЫПУСКНИК, КТО ТЫ?

И глаза блестят, может быть, от слез... Сантименты? Да, тысячу раз — да, И тысячу раз — нет.

Это взбунтовалось, закипело, прорвало плотины сухости и сдержанности самое сокровенное, глубокое, тонкое, что осталось в память от детства, впечатлений и ...пряталось далеко-далеко, чтобы кто-нибудь из сверстников не увидел, не заметил, не подумал...

Мальчик из «наидатого» века? Ничего подобного. Залюбом читает Гансовского, Назимова, Струтацких, без устали может рассказывать о «научно-фантастических» (как он их называет) повестях и романах.

И еще — Математика. Единственная из наук, которой он отдает предпочтение, говорить о ней может часами с огромным увлечением.

Но есть у математики соперник, и весьма могущественный. Который не позволяет отдавать ей всю волю, всю

энергию, забирая себе половину (а иногда — и того больше). Это искусство сцены. Да-да, именно искусство.

Теперь, когда прошло четыре года нашей совместной сценической работы, когда родился Гамлет, комиссар Котан и, наконец, сложнейший психологический образ современного героя библейской легенды о Каине и Авеле, — теперь я могу сказать (и отвечаю за каждое свое слово): он это может, он на это имеет право.

Не знаю, какое из этих двух занятий станет когда-нибудь его единственным (ведь они несовместимы, если говорить о профессионализме), но точно знаю: тем или иным делом будет заниматься одаренная личность.

И последнее. Довженко когда-то сказал: «Человек, хоть и с недостатками, все же человек, а безупречная муха — все же муха».

По-моему, он из таких: с недостатками, но человек, а не муха.

Л. МЕРСОН.
режиссер студтеатра.

Мою заметку из «Молодости» перепечатала «Ишимская правда», и я получил много писем от наших девчат и ребят, живущих в разных селах и городах. Все спрашивали: когда же встреча? В конце мая ездил в Ишим. Мы из-

брали оргкомитет во главе с Г. П. Щербаковым. Вместе с ним вели подготовку к встрече М. Ф. Дегтярев, Т. Г. Шагнунова, Е. К. Ляшук, В. И. Портнов и многие другие.

Собрались выезжать в Ишим. Вдруг в полночь звонок из аэропорта. Звучный, хорошо поставленный голос повелительно говорит:

— Товарищ Бударин, будьте готовы встретиться на высшем уровне полномочного представителя Камчатки!

Кричу в трубку:

— Валка, нуужели это ты?!

— Так точно!

В новомодном номере газеты «Молодость» была напечатана статья доцента М. Е. Бударина «Судьба одного школьного выпуска». В ней сообщалось, что группа выпускников средних школ г. Ишима бывшей Омской области собирается отметить 30-летие школьного выпуска вместе со своими учителями, которые являлись в основном питомцами Омского пединститута. Ниже публикуются заметки об этой встрече, состоявшейся в Ишимском пединституте 21 июня нынешнего года.

и потерялся для всех нас на долгие годы. Спешу к обрыву Ишима и вижу у прилеса стоит среди тальников, смотрит на реку мужчина и рядом с ним спутница.

— Скрёбнев! Обернулся и меня сразу узнал. Спешит в гору, а я с горы. Чуб у Юрки седоватый. И пережил, видать, много! С математического факультета МГУ ушел на Отечественную. Бежал из плена. Партизанил в Белоруссии и потом снова плен. У Юрки и в школьные годы был талант в изучении иностранных языков. Теперь он заведует кафедрой английского язы-

М. БУДАРИН.

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

ПОСЛЕ ВОЛНУЮЩЕЙ ВСТРЕЧИ

— Прилетел на нашу встречу?

— Да.

— Сколько же лет ты в Петропавловске-Камчатском?

— Двадцать восемь.

— А сколько лет не был в Ишиме?

— Восемнадцать.

— Тогда вот что, товарищ военный моряк. Приказываю прибыть ко мне! На поезд сейчас с самолета ты пересаживаться не будешь. Отправлю тебя утром. А ночь — на разговоры.

Через полчаса слышу во дворе шум машины. Такси. Звонок. И входит любимый балагур и весельчак нашего класса Валентин Александрович Каиль. Все школьные годы он мечтал стать военным летчиком. А связал свою судьбу с морским флотом. Пополнил и стал осянштейн. И кудри поседели... А только заулыбался — все тот же. С порога начинает чудить:

— А знаешь ли ты, Мишка, что ваш Омский хор давно и на всю страну поет песню, посвященную лично мне? Называется «Величальная-каильвальная!» И откуда только хор узнал, что зовут меня Каиль Валя. Вот послушай, я тебе напую: «Каиль, каиль каилек. Эх, каилек, каилек, каилечек».

Мой сын недоуменно слушает. Что такое: пришел заполночь немолодой незнакомый дядя и с порога поет нам мотив песни «Ковылек». Говорю своему парню:

— Мой гость совсем трезвый. Это просто Валя Каиль!

... И вот с группой омичей, бывших школьников Ишима, подъезжаю к Ишиму. В нашем вагоне живущие теперь в Омске партийный работник Евгения Шихова, библиотекер Нина Лукина, металлург Алексей Смирнов.

Подхожу к крыльцу Ишимского пединститута, в актовом зале которого состоится через несколько минут наша встреча. На крыльце уже встречаются гости Г. П. Щербаков, Е. К. Ляшук и рядом с ними в парадном костюме В. А. Каиль. От плеча до пояса наискося у него гирлянда орденов и медалей и среди них орден Ленина. Ах ты, балагур! Всею ночь просидели в Омске и ни слова не сказал, за что получил столько наград...

Встречающие говорят:

— Только сейчас здесь был Скрёбнев. Пошел с женой к реке...

Вот уж кого встретить здесь не ожидал! Ведь он не был на родине все эти тридцать лет

ка в институте иностранных языков в Горьком. Вскоре защищает докторскую. По его учебнику «Стилистика английского языка» учатся студенты педагогических вузов.

Ровно в два часа зал Ишимского пединститута битком набит. Здесь и наши сверстники и наши поседевшие учителя. Все взволнованы. Кругом восклицания, объятия, поцелуи.

Г. П. Щербаков, заметно волнуясь, открывает встречу. В президиуме наши девчата и ребята: Г. П. Щербаков — пропагандист, М. Ф. Дегтярев — преподаватель философии пединститута, Т. Г. Шагнунова — завуч средней школы, С. Т. Яцук — зав. горно.

Собравшихся приветствует секретарь Ишимского горкома партии Е. И. Попова, называя нашу встречу большим событием для города.

Поступает предложение почтить вставанием и минутой молчания светлую память наших сверстников, погибших в Великую Отечественную войну. Потом бывший питомец медицинского училища А. П. Тетюв, командир партизанского отряда в годы войны, а сейчас секретарь совхозного парткома, читает собственное сочинение поэму о нашем поколении. Когда в его стихах звучат имена погибших, имена наших парней и девчат, всем сидящим здесь такие дорогие и близкие, я вижу у многих слезы на глазах. Мне со сцены видны все лица сидящих. Вон сидит Ира Красавина, агроном из колхоза в селе Уват. У нее глаза и щеки горят от волнения.

Подходит мой черед приветствовать собравшихся от группы омичей. Выхожу на трибуну, и глубокое волнение охватывает меня. В зале столько знакомых лиц! Вон мои одноклассники учительница Мотья Загайнова и агроном Валя Вечерова. Они приехали из Тюмени. Рядом вижу полковничью погону Аркаши Глинского и слева от него — его жена Нина Морозова. Эти приехали из Новосибирска.

Сотрудница Министерства связи Казахстана Людья Бернадская. Она приехала из Алма-Аты. А это — Василий Алексеевич Порфирьев, наш знаменитый преподаватель физкультуры, заслуженный мастер спорта СССР. Еще до войны о нем была издана книга под названием «Василий Порфирьев». Это — человек настоящего жизненного подвига. В спортивной молодости он повредил себе позвоночник и ходил согбенным, не имея даже возможности разогнуться. А слава о нем в спортивном мире давно уже идет по всей стране. Он воспита-

тель чемпионов. Десять лет чемпионы Сибири, республики, Союза. И его питомец Борис Шахлин был чемпионом мира по гимнастике. Когда в 1944 году вместе с московской журналисткой Ириной Ильичевой мы напечатали целую полосу в «Комсомольской правде» о В. А. Порфирьеве под шапкой «Школа мужества в Ишиме», в «Комсомолку» пришло несколько сот писем, главным образом с фронта. Особенно мне врезалось в память одно из этих писем, присланных в «Комсомольскую правду». Наш ишимский парень, военный моряк с подводной лодки, писал тогда, что он смог выжить и нашел в себе волю и силы бежать из фашистского плена только потому, что и за колочей проволокой перед ним всегда был образ его любимого учителя В. А. Порфирьева, такого немощного физически и такого сильного, несгибаемого духом!

Я вижу сейчас эти лица и говорю: — Дорогие ребята, дорогие наши наставники! Хочется многое сказать. Вспомнить добрым словом и наши школы, что явились взлетной, стартовой площадкой для каждого из сидящих здесь. Вспоминаю и партийных, советских руководителей Ишима довоенных лет — первого секретаря Ишимского горкома партии И. К. Белозерова, погибшего на войне, первого секретаря Ишимского райкома партии И. К. Холдина, живущего сейчас в Тюмени; бывшего заведующего районом В. Л. Мельчевского, замечательного педагога и политработника, чьи военные подвиги отражены в книге «Гроза над Десной». Эти старшие товарищи многое сделали для нас. Ведь даже обеспечение школ теплом и светом в трудные предвоенные годы являлось нелегким делом!

Мы решили собираться через каждые пять лет. И назначили встречу в июне 1974 года. Потом фотографировались на память по школам и по классам. После было общее застолье, и были песни и бесконечные «А помнишь в сороковых? А помнишь?»

Мы сидели одной семьей, все полтора часа участников этой встречи. И здесь снова были скучные и сердечные слова за светлую память наших незабвенных павших друзей. Надя Пилецкая, бывший комсомольский работник, теперь учительница ишимской школы № 6, вывела меня из-за стола и бережно развернула альбом. С первой страницы на меня глядели широко открытые и такие памятные мне глаза нашей милой чайки Валя Грицук, героически погибшей в рядах моряков Балтики. Валя Грицук была наша одноклассница, потом — студентка Ленинградского института физкультуры имени П. Ф. Лесгафта.

У нее были две страсти, два глубоких влечения: литература и спорт. Она могла бы стать талантливым преподавателем литературы или критиком-литературоведом. Но она была еще и лучшей спортсменкой среди девушек города. Никто не бегал быстрее ее стометровку. Санитарный инструктор морской балтийской пехоты, наша Валя Грицук была любимцей фронтовиков. В час своей смерти она подняла в контратаку балтийцев под Колпино и погибла там. Ленинградцы создали памятник-песню. Слова ее я читал сейчас.

В альбоме помещены воспоминания о В. Грицук. Поистине: мертвые, о которых помнят, продолжают жить среди живых. Мои друзья разговаривали с этой встречей из Ишима в разные края — от Украины и Москвы до Камчатки. Особенно теплыми были наши прощальные слова к учителям. Мы еще и в юности знали, что своим наставникам обязаны многим. Но только в зрелую пору поняли, что обязаны им всем! Потому что все лучшее в человеке — от идеалов его юности.

Родному городу и нашим учителям, взрастившим нас, за все земной поклон!

В альбоме помещены воспоминания о В. Грицук. Поистине: мертвые, о которых помнят, продолжают жить среди живых.

Мои друзья разговаривали с этой встречей из Ишима в разные края — от Украины и Москвы до Камчатки. Особенно теплыми были наши прощальные слова к учителям. Мы еще и в юности знали, что своим наставникам обязаны многим. Но только в зрелую пору поняли, что обязаны им всем! Потому что все лучшее в человеке — от идеалов его юности.

Родному городу и нашим учителям, взрастившим нас, за все земной поклон!

Редактор А. ГУСЕВ.